
Игорь КУБЕРСКИЙ

БУДНИ ЛОКАСА

Рассказы

Локас — это литературный герой, собирательный образ, которому я передоверяю разные занятные случаи из жизни. О его «приключениях» можно прочесть в моей книге «Игры с ветром». Но жизнь пополняется.

«ТЕМНАЯ НОЧЬ, ТОЛЬКО ПУЛИ СВИСТЯТ ПО СТЕПИ...»

Вчера, уже улегшись, приняв валерианки и боярышника и с полчаса послушно полежав, Локас понял, что все равно не уснет, как не засыпал уже месяц, — включил телевизор, канал «Культура» (а что еще там можно смотреть), и пошла передача — песни Великой Отечественной войны, кадры из кинохроники и фильмов тех лет. Глаза у Локаса тут же защипало, и полились слезы — молчаливые, беззвучные слезы, которые он даже не пытался остановить. У каждого есть его ахиллесова пята — уязвимая точка в душе, открытость чему-то, беззащитность перед чем-то, что сильнее нас. Да, это были военные песни и фильмы с теми давно умершими актерами, кумирами тех лет. Локас слушал и плакал, как в детстве. Он вспоминал отца и мать, прошедших через эту войну и устроивших после нее (пусть ненадолго) праздник жизни, за которым Локас наблюдал через дверную щель в гостиную, полную взрослой радости, вкусного дыма папирос, — кто-то пел, аккомпанируя себе на пианино, кто-то, проигравший в карты, лез под стол или кукарекал, залихватский женский смех... потом дверь открывалась, и мама, от которой нежно пахло духами, делала удивленное лицо — как, он еще не спит? — а после нее появлялся папа со стаканом в руке, на четверть полным каким-то напитком, и шепотом, с оглядкой, спрашивал: «Хочешь пива?»

А еще много чего вспоминал он, родившийся в мае сорок второго и переживший вместе со страной еще целых три года войны. Он осознал себя чуть ли не с шести месяцев, видно, еще в утробе раненный разговорами о войне, этим ежедневным пугающим левитановским «От Советского Информбюро» и не желавший появляться на свет, упершийся внутри так, что, по словам мамы, его пришлось вытаскивать силком. И еще он помнил вспышку ослепительного счастья, когда однажды, в конце августа сорок третьего после битвы на Курской дуге (это потом он узнал про битву), в Куйбышев, где они жили в эвакуации, приехал на несколько отпускных дней отец. Открывается наружная дверь, возглас матери и знакомый сипловатый смешок отца... Откуда знакомый? А вот оттуда... Знакомый и бесконечно родной.

Игорь Юрьевич Куберский — писатель, поэт, переводчик. Родился в 1942 году. Окончил филологический факультет ЛГУ в 1970 году. Член Союза писателей СССР с 1981 года. Ныне — член Союза писателей СПб. Автор 12 книг прозы и сборника стихотворений. Переводил Джона Донна, Томаса Хаксли, Уолта Уитмена, Генри Миллера, Роджера Желязны, Арчибальда Кроуина, Джона Ирвинга и других прозаиков и поэтов. Лауреат международной литературной премии им. Н. В. Гоголя (2017), премий журнала «Звезда» (1993, 2011, 2016). Номинант литературных премий «Русский Букер-1996» (лонг-лист), «Ясная Поляна-2012». Автор изданий для детей. Живет в Санкт-Петербурге.

Ах, какие это были песни — может быть, первый и последний раз в новейшей истории наш народ перестал тогда быть рабом. Развернулся во всю свою неумность, стал хозяином положения, поверил в себя, в свои силы и победил. Именно он — его простые люди, не военачальники, не генералиссимус, а он, народ. Каждый тогда стал свободным. Потому и песни такие.

А после войны все вернулось: тюрьмы, расстрелы, гнет, кампании насилия, одна безумней другой... И разоблачение культа Сталина мало что изменило.

Полвторого передача кончилась, слезы вылились, Локас повернулся на правый бок и впервые за месяц уснул.

Ему ничего не снилось.

КЕПКА

Однажды, а точнее, за два года до развала СССР Локас сидел в старинном кафе Барселоны и наблюдал, как между столиками с посетителями ходит пожилая испанка и что-то им предлагает. Подошла она и к столику, где со своей испанской подругой сидел Локас. Оказалось, что женщина предлагала купить у нее старинный семейный альбом с фотографиями.

— Давай купим! — влюбленный во все испанское загорелся Локас.

— Что ты! — сказала ему по-английски его испанская подруга. — Альбом — это ее хлеб. Просто дай ей сто песет, если не жалко.

Локасу было не жалко.

Когда женщин отошла, испанская подруга объяснила недогадливому Локасу, что именно в такой завуалированной форме гордые испанцы просят милостыню.

О том случае Локас вспомнил буквально на днях, когда по причине снегопада решил добираться на службу не на своей старушке «хонде», а в метро. В метро он заодно и назначил встречу со своим знакомым, которому обещал вернуть небольшой долг. В должниках Локас ходить не любил.

Но сначала о кепке. Все мужики его поколения ходят в кепках одинакового фасона, с опускающимися на случай мороза и ветра ушами — разница только в отсутствии-наличии пуговицы сверху да в козырьке — бывают и кожаные... Некоторые мужики носят еще «жириновки» — они дороже и теплее, но из-за одного названия Локас никогда бы не стал надевать такое на голову. Правда, и кепка напрочь привязалась к одной известной персоне по имени Лужков, но «лужковкой» ее никто не называет — по крайней мере, Локас никогда такого не слышал. Помимо кепки, в руках у Локаса маленькая кожаная сумка с документами, типа барсетки, и перчатки. Но если сумку и перчатки Локас обычно контролирует, то кепку — нет. И если, скажем, в метро он встает со своего места и наступает на что-то мягкое, то в девяноста девяти случаях из ста — этот его собственный головной убор.

А тут как-то поставил Локас машину, заученным движением взяв с соседнего сиденья кепку и барсетку, дошел до парадной своего дома и приставил кодовый ключ к замку... Металлическая дверь открылась, но затем не захотела закрываться. «Опять бомжи сломали!» — с тоской и злостью подумал Локас, которому надоело по пути на свой этаж боком обходить на лестничной площадке известные лужи. Он попробовал надавить на механизм, затягивающий дверь, — ноль результата. Локас глянул вниз и увидел, что под дверь что-то подложено. Так бомжи и делают, чтобы она не закрывалась. Но это было не что-то — это была кепка Локаса, которой уже крепко досталось: была она перепачкана и помята...

А теперь эта последняя история. Спустился, значит, Локас в метро, доехал до остановки «Гостиный двор» и встал в условленном месте, где к нему должен был подойти

его приятель. Встал он, а по причине ночного недосыпа закемарил. Известно, что лошади прекрасно спят на ногах. Иногда и у Локаса получается. Отключишься на три минуты, и вроде как свежесть возвращается. И так, стоя вздремнул Локас, а когда открыл глаза, сразу почувствовал, что что-то не так. Барсетка в правой руке при нем, а кепка, которую он обычно придерживает указательным пальцем, исчезла. Глянул Локас под ноги — кепка его там лежит. А в кепке что-то. Поднял Локас кепку, а в ней деньги: две десятирублевых бумажки, монета того же номинала и еще три рубля. Криво усмехнулся Локас — видать, приняли его за попрошайку, — оглянулся, кому бы деньги отдать, да попрошайек, кроме него, в метро не оказалось. Делать нечего — положил Локас деньги в кошелек, и пока ждал он приятеля, мысли сами собой начали скакать в его голове, производя подсчеты. Тэкс... За три минуты тридцать три рубля. За час... умножаем на двадцать — шестьсот шестьдесят рублей. За два часа (больше не простоять) одна тысяча триста двадцать рублей. За месяц без малого сорок тысяч... Это ж надо ж! Столько он теперь получает на работе (раньше больше) плюс пенсия десять тысяч. Не жизнь, а малина!

А тут и приятель подошел.

Хотел Локас рассказать ему, что приключилось, да передумал... Вдруг и вправду пригодится.

ОПЕРАЦИЯ «Ы»

Случилась эта история год назад, как раз под Рождество. А все из-за того, что у Локаса стали болеть глаза — даже не от ноутбука, а от телевизора. Просто болят, и все, а на компе далеко не все нужные телепрограммы можно отследить. Пошел он в поликлинику к врачу-офтальмологу — пожаловался на глаза: так, мол, и так, может-де, пора очки сменить или лекарство какое прокапать. Врач, измерив ему глазное давление, пообещала помочь, для чего назначила день и час следующего прихода.

Вот приходит к ней Локас в назначенное время, и врач смотрит на него уже как на своего закадычного пациента и даже вроде как подмигивает ему.

— Вы меня узнаете? — на всякий случай спрашивает Локас, не привыкший к фривольностям в отношениях врач — больной...

— А то! — как своему улыбается врач и подмигивает правым глазом на дверь в соседнюю комнату. — Давайте пройдемте туда — там нам будет удобнее...

Слегка озадаченный Локас следует за врачом-офтальмологом в соседнюю комнату, там врач усаживает его в специальное кресло и говорит, доверительно склонившись к его уху:

— Знаете что? В кассу вам платить не обязательно. Лучше заплатите мне лично половину, и все. Зачем вам лишние деньги тратить. Договорились?

— Договорились, — соглашается Локас, хотя он ничего не имел против того, чтобы заплатить и по-чесноку — в кассу. Но если женщина просит... Как в той песне в исполнении Нани Брегвадзе.

Вот сидит он в кресле, врач позвякивает за его спиной инструментами, и Локас прикидывает, что, наверное, зрение ему восстановят каким-то новым методом. Обычно на тебя надевают обруч с набором линз, и ты называешь буквы на противоположной стене... Короче, ему делают в лицо обезболивающий укол — сам по себе довольно болезненный — и просят закрыть глаза. Локас по-прежнему слегка недоумевает, но слушается — ведь продвинутая медицина знает свое дело. Видимо, так сегодня сбра-

сывают внутриглазное давление... И тут он чувствует с закрытыми глазами под своим левым нижним веком резь и запах жженой кожи. И следом — такую же резь под другим веком. Ничего, он потерпит.

— Вот и все! — слышит он над собой, — можете открыть глаза. С вас...

И далее озвучивается довольно приличная сумма. Но если эта половина той, которую Локас должен был бы заплатить в кассу, то тогда, конечно, игра стоит свеч. Хотя новые очки обошлись бы гораздо дешевле, а подбор в центрах оптики сегодня вообще предлагают бесплатно. Но, скорее всего, очки ему больше не понадобятся.

Расплатился Локас, поехал домой, показал жене свои надрезы, которые изрядно саднили. А она говорит: да это тебе просто мешки под глазами удалили. Блефаропластика называется. Я вот тоже собираюсь...

Выругался Локас, а на следующий день проснулся с огромными синяками под глазами, от чего пришлось ему надеть темные противосолнечные очки... Зрение, разумеется, не улучшилось, а мешки, которые ему ликвидировали, вернулись на место спустя некоторое время.

Поначалу Локас корил себя за дурость и медицинское невежество и даже стал почитать статьи на медицинские темы, а когда прочел, как одному пациенту не ту ногу отрезали, а другому здоровый зуб вырвали, а в теле третьего оставили после операции хирургические ножницы, то и успокоился. Ему, можно сказать, повезло. А повезло ли тому пациенту, за которого его по ошибке приняли, он не знает.

УНИЖЕНИЕ ВЫСОТОЙ, ИЛИ ПЯТЬ МИНУТ БЕЗ ПОЛИТИКИ

Одна знакомая Локаса прислала ему под Новый год целую коллекцию фоток под заголовком «Crazy people do crazy things», а на фотках всякие сумасбродства тех, кому захотелось самоутвердиться перед высотой. Ну, типа, стойка на руках над бездной или даже застолье над ней же, где все, включая стол, подвешены на вбитых в скалу крюках... Нормальному человеку такое не под силу. Тут и вправду нужно быть crazy.

В присутствии высоты есть что-то унижительное и даже унижающее. Как, скажем, и в присутствии высокого начальства. Впрочем, перед высоким начальством обычно корректный и вежливый Локас слегка нагглел. Он понимал, что это комплекс наоборот, то есть робость, вывернутая наизнанку. Но ничего не мог с собой поделать — нагглел, и все тут, и даже мог грубо ответить. Конечно, не типа — «спасибо, Вова!», но где-то близко. Поэтому карьеры в свои лучшие годы Локас не сделал, а в те, что стали похуже, он уже ни от кого не зависел, кроме как от своего рыжего кота, требовавшего ласки и норовившего улечься на клавиатуру, когда Локас корпел над очередным переводом.

Первое свое унижение высотой Локас испытал, когда ему было четыре года. Дело было в Нахабино под Москвой, где его вернувшийся с войны отец командовал воинской частью. Там, помимо огороженной части, были еще какие-то пустые вышки, без часовых. Вышки как вышки — с лестницей и грибком будки наверху. Возле них окрестная детвора играла и развлекалась, в том числе маленький Локас. Самые ловкие и смелые карабкались по лестнице наверх и потом звали с вышки к себе. С земли они казались очень маленькими.

Локас сам не понимает, как это получилось, что он вдруг взял и полез. Он поднялся на несколько ступенек и глянул вниз. Внизу, далеко под ним, была зеленая трава, а на траве стояли дети, задрав вверх головы. Дети смотрели на него снизу, а другие дети смотрели на него сверху, и в этот момент Локаса охватил страх. Страх до оцепенения.

Руки и ноги свело судорогой — Локас не мог двинуться ни вверх, ни вниз. Наверное, он закричал от страха и заплакал, но этого Локас не помнит. Он только помнит, что спустя несколько мгновений рядом с ним на лестнице оказался взрослый мальчик и, сопя Локасу в ухо, помог спуститься. Локас до сих пор помнит это спасительное посапывание возле себя, а еще — свое унижение.

Этот урок, видимо, не прошел для Локаса даром, потому что в возрасте от семи до одиннадцати лет, когда он проводил лето в Майори под Ригой, где его родные снимали дачу, он бесстрашно облазил все деревья, что росли окрест. Помимо девчонок, там было пять соседских мальчишек, и он лазил по деревьям лучше всех. Он становился чуть ли не друидом — ничто в природе не было ему тогда ближе и роднее деревьев. Они были его друзьями, и, забравшись почти на самую верхушку очередного клена, Локас воображал, сидя среди шевелящихся листьев, что здесь его настоящий дом.

Помимо кленов, у него была своя любимая липа, среди ветвей которой легко укладывались поперечные дощечки, превращая это место в некий штаб, ну, как в ошеломительном кинофильме той поры под названием «Тимур и его команда»... Потом Локас вырос и перестал лазить по деревьям, а когда попытался, то не очень-то у него и получилось.

Во второй раз высота унизила Локаса, когда ему было уже за тридцать. Его как выпускника военной кафедры университета вместе с другими такими же чайниками-выпускниками отправили на военные сборы на Северный Кавказ и там, поскольку со знанием английского языка он считался офицером разведки, сбросили с самолета. На парашюте, разумеется. Так вот, пока он падал без парашюта, то еще раз испытал то самое знакомое по детству чувство страха и абсолютной беспомощности, словно из него вынули все внутренности. Один холод пустоты. А потом, когда его сильно потрянуло и дернуло и он увидел над собой упругий купол парашюта, страх перешел в ощущение абсолютной эйфории. Вернулось и чувство юмора. Какие же из англоязычных народов Кавказа ждали его внизу? — подумал он тогда. Больше прыгать с парашютом ему не довелось.

И еще лишь однажды в его жизнь вмешалась высота. Дело было в Москве, где Локас встретил и полюбил одну прекрасную молодую женщину. Локас хотел жениться на ней, тем более что они уже жили какое-то время как муж и жена. Но потом эта женщина сказала ему «нет» — потому что к ней вернулся мужчина, которого она любила до Локаса и, видимо, продолжала любить. В тот вечер решающего объяснения Локас выпил больше положенного, и когда его проводили до двери и замок защелкнулся, он не смог этого вынести и принялся звонить. Но ему не открыли. Тогда он вылез в окно на лестничной площадке, чтобы оттуда перебраться к ней на балкон, хотя это было невозможно, поскольку балкон был выше на целый лестничный пролет и далеко от окна. Но Локас был сильно пьян и был уверен, что, сняв с кожаного пальто ремень и закинув конец на балкон, он зацепится за перила и сможет на этом ремне подтянуться...

И вот когда Локас почти целиком вылез из окна и распластался вдоль стены в направлении балкона, он ненароком глянул вниз с высоты шестого этажа сталинского дома и увидел далеко под собой лужу на асфальте в форме глаза, поскольку несколько осенних листьев образовали в этой луже подобие зрачка. И в этот же момент Локас услышал голос внутри себя, сказавший ему: еще одно движение, и ты погибнешь. И Локас, хоть и был пьян и на высоту ему было плевать, голосу этому поверил — не без усилия подтянулся обратно к окну и слез на лестничную площадку. В ту ночь он ушел, еще надеясь, что вернется, что его позовут. Но его не позвали.

И миг, когда ангел-хранитель предупредил его о смерти, Локас потом переживал еще много раз и каждый раз удивлялся тому, что остался жив и вот живет до сих пор.

То было, конечно, унижение, но не высотой. Но кто из нас хоть однажды не был в жизни унижен — хоть приказом начальства, хоть диким зверем, хоть стихией моря, хоть отечеством, хоть собственной глупостью, хоть той же любовью...

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

В кинотеатры Локас не ходит, а отечественному кино предпочитает импортное. Но тут показывали «Иронию судьбы, или с Легким паром», и вспомнилось Локасу, как он впервые смотрел этот фильм где-то в 1976 году, сидя перед телевизором рядом со своей законной супругой, в то время как сердце его разрывалось от боли, потому что он имел неосторожность полюбить другую женщину, молодую, умную, красивую, и когда та попросила его сделать выбор, он сделал выбор в пользу семьи, где у него, помимо жены, был уже шестилетний сынишка. И вот он сидел и смотрел фильм о внезапности любви, любви как удар, — о том, что любовь всегда права... Нравственный выбор в пользу своего семейного очага ничуть не умалил его терзаний, не облегчил его тяжелой ноши, о чем он никому не мог сказать...

Ту свою первую семью Локас все равно не удержал, не сохранил он и вторую свою семью, созданную под знаком любви. Все это вновь вспомнилось Локасу, когда в первый день 2013 года он смотрел тот самый старый, но неустаревший фильм...

Потом Локас задумался, а не было ли в его жизни чего-нибудь эдакого, какой-нибудь новогодней нескладухи. И надо же — вспомнил! Было это давно, и как раз под Новый год, и как раз в той первой его семье, еще до фильма Рязанова, в году 75-м, когда сынишке было еще пять лет и Локас переодевался в Деда Мороза, с мешком подарков потихому выходил за дверь, потом звонил — жена с сыном ему открывали, и счастливый сынишка его не узнавал...

И вот в тот вечер накануне, еще до переодевания, Локас услышал, что в дверь квартиры кто-то скребется, вроде как пытается вставить ключ в замок. Локас открыл дверь и увидел довольно крупного мужчину в добротном заснеженном пальто и шапке — как раз была новогодняя метель. Мужчина был, что называется, вусмерть пьян, но все же в его глазах при виде Локаса прочлось удивление. Он попытался войти, но Локас, разумеется, его не пустил, вытолкал за дверь и захлопнул ее. Однако в ответ тут же раздался звонок, а следом — ковыряние ключом в замке. Локас снова вышел и оттолкнул мужчину от двери. Мужчина был погабаритней его, но на ногах держался твердо.

— Послушай, вали отсюда, пока я тебя с лестницы не спустил! — сурово сказал Локас. Он еще раз для убедительности оттолкнул пришельца подальше и захлопнул за собой дверь.

Но ситуация повторилась.

— Если не уйдешь, я милицию вызову! — сказал Локас, встав в дверях, как скала.

Но на незваного гостя эти слова не произвели никакого впечатления — он ломился в квартиру, и на пьяном его лице читалось сознание собственной правоты. Тогда Локас, который в студенчестве занимался самбо и даже имел третий разряд, схватил его за грудки и сделал переднюю подсечку. Мужчина упал.

— Вали отсюда, пока жив! — рявкнул Локас, почувствовав, однако, легкий укол совести. Драться с пьяным...

Больше мужчина его не беспокоил, но когда спустя несколько минут Локас открыл дверь, дабы убедиться, что проблема миновала, оказалось, что мужчина и не думал никуда валить. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и покачивал головой слева направо, словно обдумывая свое положение.

И тут Локаса осенило.

— Прости, друг, — сказал он, — ты, видно, ошибся парадной. Какой у тебя номер квартиры, помнишь?

Мужчина снизу смотрел на Локаса, силясь осознать сказанное, а затем, елозя ногами и опираясь рукой о стену, стал с трудом подниматься.

Локас решил, что предстоит еще один сеанс борьбы, но вместо этого услышал нетвердо произнесенное: «Семьдесят семь».

— Ну вот! — засмеялся Локас. — Так я и знал! Смотри! А здесь — сто тридцать один. Понял? Ты подъездом ошибся. Пойдем, я тебя провожу...

Так Локас и поступил.

Оказалось, такой же этаж, такая же, слева от лифта, квартира. Только подъезд другой.

Потом, спустя годы, когда Локас уже не жил в том доме, он стал думать, что тот визит чужака был первым звончком судьбы... Потому что потом в квартиру, где он бросил жену и сына, пришел другой человек. Пришел и остался. Как раз тогда, когда Локас решил вернуться.

Ирония судьбы...

ШОПИНГ

Случилось так, что у Локаса вдруг оказались лишние десять штук рублей — лишние в том смысле, что можно было потратить их не на семью, а на себя. И он тут же решил купить себе плащ, тем более что старый износился. Наутро Локас помчался по магазинам одежды и был очень удивлен, что плащей нет. То есть были в начале сентября, да сплыли, и то немного, — объясняли ему продавщицы.

— Как так? — вопрошал Локас. — Осенний сезон только начался.

— Нет, — отвечали ему продавщицы, — теперь уже продают одежду на зимний сезон. А на осенний надо было покупать весной.

Странно, размышлял Локас, перебегая из магазина в магазин: есть спрос, а предложения нет. Как-то это не по-рыночному.

Ноги и слухи плюс метро донесли его до огромного торгового комплекса под названием «Галерея», что у питерского Московского вокзала, — Локас еще помнит огромный котлован на этом месте. Но и в «Галерее» ему было сказано, что с плащами туго — разве что можно попробовать поискать в трех бутиках, хотя их там сотни... Действительно — все есть, а мужских плащей нет. И тот же ответ: было, но немного.

Кончилось тем, что в бутике под вывеской «Colins» Локас нашел то, что можно было назвать плащом, и после примерок и поисков своего размера попросил отложить, решив позвать жену, чтобы она оценила его выбор. Затем он заглянул еще в один бутик под названием «Diplomat», и там ему наконец показали настоящие плащи, фирменные и классные, с одним только недостатком — совсем не по карману.

Тут Локас вдруг так вдохновился уже отобранным плащом (всего-то за четыре с половиной штуки), что немедленно вернулся в «Colins», заплатил и вышел довольный, с большим пакетом, в котором лежала его покупка.

Дома он надел то, что считал плащом, и показался в таком виде жене.

Жена молча посмотрела, потом сказала:

— Можно я ничего не буду говорить?

— Можно, — сказал Локас. — Завтра я это сдам обратно.

— Ты всегда так, — против обещания не говорить заговорила жена, — покупаешь, а потом сдаешь обратно.

— Я хотел тебя позвать, чтобы ты приехала — посмотрела, а потом пожалел.

— Спасибо, — сказал жена.

Наутро Локас отправился в «Colins», где ему после небольших формальностей дружелюбно вернули его деньги. Освобожденный Локас еще побегал по магазинам, но, так ничего и не найдя, остановился у уличного развала на Сенной, то есть у стола, на котором лежали кошельки. Кошелек у него старый и потрепанный, и Локас решил купить новый, помня, что на развале это, как минимум, на треть дешевле.

Выбирал он долго, хотя сразу ему приглянулся только один конкретный — черный, толстокожий, с магнитным замочком, жаль, без отделений для банковских карточек, которых у Локаса целых три.

Продавищица-таджичка предлагала ему разные кошельки, в том числе и с отделениями для карточек, но Локас как положил глаз на тот черный, так все время к нему возвращался. Он даже достал из своего старого кошелька банковскую карточку и засунул ее в прорезь, которую можно было считать отделением для таких карточек. Карточка отлично вошла.

Тут ему продавищица стала предлагать другие кошельки, подороже, но чем больше Локас возился с ними, тем меньше ему хотелось покупать, так что он решил, что пока обойдется и старым. С легкой душой, оттого что не потратил на себя ни копейки, Локас отправился домой.

Дома, уже переодевшись в домашнее плюс тапочки, он вдруг похолодел и с дурным предчувствием открыл свой кошелек — так и есть: банковской карточки, той самой, по которой он получает пенсию, не было.

Что сделалось с Локасом, нетрудно себе представить, тем более что когда он вернулся на Сенную, то не нашел ни кошельков, ни таджички.

Дома на все вопросы жены он отвечал, что просто заболела голова, ночь, разумеется, не спал, а утром помчался на Сенную. И чудо! Тот же развал, тот же столик под зонтом, та же таджичка, те же кошельки, и среди них — тот же черный, с магнитным замочком.

С замиранием сердца Локас взял его и заглянул в прорезь. Карточка — его любимая родная пенсионная банковская карточка — была на месте.

На радостях он тут же купил кошелек. В тот же день на тех же самых радостях он сделал подарок и жене — купил ей хрустальную люстру, о которой она мечтала последние двадцать лет.

И, главное, сам повесил и включил.

У ПОПА БЫЛА СОБАКА

У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса —
Он ее убил.
Вырыл яму, закопал,
Крест поставил, написал:
У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса —
Он ее убил.
Вырыл яму, закопал,
Крест поставил, написал:
У попа была собака,
и т. д. и т. п.

С детства Локас в очаровании от этих бессмертных стишков. И даже не потому, что вслед за Пушкиным и Львом Толстым не любит попов, считая эту братию не имеющей никакого отношения к вере и Богу, а потому, что безвестный сочинитель, а ведь он был! — создал некий словесный перпетуум-мобиле, где ни начала, ни конца, только вечная музыка...

А тут случилось, что его собственная собака украла со стола кусок мяса, который жена вынула из холодильника для разморозки и жаркого на обед. Причем нужно отметить, что нынче средств на жизнь у Локасов маловато, и кусок говядины появляется на кухне нечасто.

Когда Локас обнаружил пропажу, его собака уже приступила к кости...

Что делать?

Жена, как назло, ушла в магазин за гарниром для жаркого, так что сеанс воспитания домашнего зверя лег на плечи Локаса. Он поорал на пристыженную собаку и даже, чтобы быть правильно понятым, разок аккуратно шлепнул ее по ляжке.

Да, собака была в шоке от стыда, прижала уши и хвост и молча ходила от Локаса по комнатам и коридору, а он ходил за ней. Тут он, кстати, и вспомнил бессмертные стишки.

Вернувшись из магазина и узнав новость, жена повторила краткий курс воспитания собаки, а затем сказала:

«Ну вот она и показала нам, что она нормальная собака».

И это умозаключение заняло нужное место в шкале семейных ценностей.

Затем жена приготовила гарнир на обед, и за мыслями о своей любимой собаке они не заметили отсутствие жаркого на столе.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Примерно в полдень раздался телефонный звонок, и мужской голос, назвав Локаса по имени и отчеству, осведомился, с Локасом ли он говорит.

Локас подтвердил, что да, с ним.

— Это вам звонят из криминальной полиции, — сказал голос.

— Господи, что еще? — сказал Локас, мгновенно перебрав в уме все свои провинности и не найдя за собой ни одной криминальной.

— Вы, пожалуйста, сядьте, — сказал голос, снова назвав Локаса по имени и отчеству.

— Что случилось? — сказал Локас, машинально опускаясь в свое рабочее кресло.

— Вы давно видели свою жену? — спросил голос.

— Утром, — сказал Локас. — В девять часов...

— Она ушла на работу? — спросил голос.

— Да, — сказал Локас.

— Так вот, — сказал голос, — с вашей женой случилось несчастье. Вы слушаете?

— Да, — сказал Локас, хотя все перед ним потемнело и он стал проваливаться куда-то.

— Ваша жена шла на работу и сделала замечание молодому человеку, который оскорбил пожилую супружескую пару. Она сделала замечание, и он ее ударил. Он разбил ей челюсть. Защищаясь, она оттолкнула его, и он упал...

— Это похоже на нее? — продолжал голос.

Она жива, возвращаясь из инобытия, понял Локас,

— Да, — сказал он, зная за своей женой тягу к порядку и справедливости.

— Ну так вот, — сказал голос, — молодой человек упал и ударился головой о поребрик. Он умер. Кровоизлияние в мозг. К сожалению, свидетелей этой трагедии нет. Нам не удалось найти пожилую пару. Мы верим вашей жене, что так оно и было. Сей-

час мы составляем акт о задержании и протокол произошедшего. Мы вынуждены до следствия и суда отправить ее в «Кресты», в камеру предварительного заключения. Она пока тут рядом, вы можете с ней поговорить, у вас только одна минута. Передаю трубку, — и голос назвал по имени и отчеству жену Локаса.

— Алло... — сказала жена.

— Что? Он умер? — спросил Локас.

— Да... — прошептала жена, и он так ярко представил себе ее состояние и всю ее, с разбитым лицом, потрясенную, когда уже нет слез.

— Держись, — сказал Локас, — все будет хорошо. Ты же не виновата... Все будет хорошо...

— Да, — прошептала жена.

— Алло, вы слушаете? — снова возник голос.

— Да, — сказал Локас.

— То, что нам за это время удалось выяснить, — сказал голос, — несколько меняет ситуацию. Оказалось, что молодой человек — круглый сирота. Он только недавно вышел из детского дома. Никого за ним нет. Так что есть возможность избежать уголовного преследования. Только нужно быстро действовать, пока не приехал следователь.

— Пожалуйста, помогите, — сказал Локас.

— Мы попробуем, только это будет стоить денег, — сказал голос. — Шестьдесят тысяч рублей на похороны и триста тысяч, чтобы не открывать дело. У вас есть эти деньги на счете?

— Нет, — сказал Локас, — но я попробую собрать...

И он попробовал представить, кто бы мог ему одолжить такую огромную сумму. А еще он подумал — вот она, коррупция в действии, хотя ничуть не удивился, слишком уж много было им читано-перечитано на эту тему, хотя бы в постах того же Навального, непримиримого борца-одиночки с режимом, который и Локасу, отнюдь не борцу и даже не оппозиционеру, был не совсем по нутру.

— Ну, если нет такой суммы, то сколько есть? — спросил голос.

— Нисколько, — сказал Локас, — я пенсионер.

— Ну хоть есть какие-то ценности в доме, золото? — спросил голос.

— Что-то, наверное, есть, — сказал Локас. — Спросите у жены.

— Вы муж и не знаете про драгоценности жены?

— Знаю, что есть, но не помню где и что... — сказал Локас. — Никогда не интересовался, где они лежат...

— Ну так сами спросите у жены, — сказал голос, — передаю трубку.

— Где у тебя золото? — спросил Локас, начиная чувствовать какую-то несообразность происходящего.

— В шкафу, — прошептала жена.

Наверное, она назвала шкафом секретер, подумал Локас, где действительно лежало немалое число всяких коробочек и того милого подарочного мусора, что накопился за два десятка вместе прожитых лет.

С трубкой в руке он попробовал поискать-пошарить по сусекам, все больше ощущая себя в каком-то другом измерении, в мире то ли Кафки, то ли Беккета, а голос полицейского все поторавливал его, грозя приездом следователя, после чего дело уже примет законный оборот.

— Я ничего не могу найти, — честно сказал Локас. — У нас ничего нет.

— Но хоть что-то есть? — сказал голос. — Что-то ценное?

— Есть ноутбук, — подумав, сказал Локас.

Голос недовольно хмыкнул.

— Послушайте, — сказал Локас, — зачем вам отправлять мою жену в камеру? Мы честные люди. Отпустите ее под подписку о невыезде, хоть под домашний арест. Мы

никуда не убежим, пусть будет следствие, суд... Мы явимся по первому требованию. Вам же ясно и так, что жена не виновата.

— Вы меня слушаете? — перебил его голос, снова добавив имя и отчество Локаса.

— Да, конечно, — сказал Локас.

— С вами говорит телефонный мошенник. С вашей женой все в порядке. Позвоните ей и убедитесь.

— Как? — сказал Локас, едва ли осознавая эти слова, как будто чтобы вынырнуть из таких глубин, требовалось подниматься потихоньку, удерживая в теле живую жизнь, и добавил вовсе жалкое: — А как же ее голос?

Ведь он совершенно ясно видел перед собой свою жену, слышал ее, подавленную трагедией.

— Это запросто, — сказал голос и изобразил шепот его жены.

— Ну, вы профи! — сказал Локас с восхищением. — Вы хоть понимаете, что чуть до инфаркта меня не довели?

Да, Локас изобразил восхищение. Иначе ему пришлось бы признать, что он полный, круглый и всестатейный лох.

Впрочем, поднимался он к поверхности, где воздух и солнце и можно дышать и жить еще какое-то время. Потому что телефон жены не отвечал: она забыла включить его с утра.

ДВАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

Сегодня, когда Локас стоял в нижнем вестибюле метро у банкомата, чтобы снять последнюю до зарплаты заначку, возле него остановились два юных высоких и стройных курсантика в черных шинелях с шевронами Морского колледжа имени адмирала Макарова. Один из них, приценившись, подошел к Локасу и сказал:

— У вас не найдется двадцати рублей? Нам с другом очень пить хочется, прямо горло пересохло.

Держался он простежки, никаких там стеснений и комплексов, не то что Локас в юности, и, глядя на его чистое мальчишеское лицо, Локас не задумываясь полез в карман за кошельком и вынул оттуда две требуемые монеты.

— Отлично, спасибо! — кивнул курсантик и деловито повернулся к своему товарищу: — А теперь ты давай!

И тот пошел навстречу спускающимся с эскалатора.

Курсантик остался рядом с Локасом и пояснил:

— Пятьдесят рублей будет просить.

— Ну, пятьдесят — это многовато, — сказал Локас. — Могут не дать.

— Ему всегда дают. Он это умеет... — Курсантик сделал несчастное лицо, опустил плечи и проныл: — Пожалуйста, дайте нам... Ну пожалуйста...

Тут вернулся его товарищ с пятидесятирублевой бумажкой в руке и мотнул головой:

— Пошли!

— До свидания, — сказал Локасу курсантик.

— Пока, — кивнул Локас и, с умилением глядя в спину удаляющимся, подумал: «Будущее гражданского флота России в надежных руках».